

ности» «государства» и «общества» и выводится «гражданственность» «человека» – его гражданское самосознание и «гражданская культура».

Дальнейшее развитие российской политической мысли произошло скачкообразно: первая парадигма трансформировалась в третью. Российский «государственный либерализм» (Б. Чичерин, К. Кавелин, П. Новгородцев) предвосхищал новую «цивильность»: соединение либеральных прав и свобод «личности» с правовой и социоцентристской государственностью, синтез «прогрессивного» и «традиционного». И, если прогрессивные императивы «гражданственности» – достижение «общей» цивилизации, то «традиционные» императивы – самобытность каждого национально-государственного образования. Российская «гражданственность», соединяя «общецивилизационные» и «самобытные» императивы, сконструировала парадигму «личности» в начале XX века. Однако эта модель «законсервировалась» на 70 лет. Сейчас важнее восстановить ее и превратить «должное» в «сущее» - в целостности, а не отдельными «отрывками» (крайностями), как это происходит в постсоветский период.

М. В. Змеев

ЭВОЛЮЦИЯ ОБРАЗА ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ: К ВОПРОСУ О ПОВСЕДНЕВНОМ ВОСПРИЯТИИ ФЕНОМЕНА

Главной ошибкой в изучении феномена интеллигенции было бы полагание существования какой-то одной, «вечной» интеллигенции, сохраняющей свои базовые характеристики на протяжении столетий. В действительности – и история тому подтверждение – есть лишь определенный смысловой концепт, именуемый словом «интеллигенция», который в то или иное время наполняется различным (неоднозначным) содержанием.

Знания об определенном феномене или явлении мы первым делом фиксируем языковым определением его. Определение же предмета – это выделение тех типичных его черт, которые, по крайней мере, на определенном этапе воспринимаются нами в качестве несомненных и очевидных. Причем, объективируя знания о предмете или явлении, мы делаем их значимыми как для себя, так и для других. В повседневном общении мы идентифицируем людей и их действия в соответствии с их социальным статусом, субкультурой, групповой принадлежностью, относительно которой в нашем сознании существуют представления о типизированных чертах, структурированных в некий *образ* этой группы. Именно учет этого образа координирует оценки и самооценки того или иного исторического феномена. Кроме того, образ так же подвержен эволюционным изменениям, как и само общество.

Так, если обратиться к проблеме смыслового наполнения понятия «интеллигенция», то в свете указанных выше принципов мы будем иметь дело как раз с эволюцией таких типизированных образов. Причем с усложнением структурно-функциональных и культурных характеристик интеллигенции усложняется и образ, а точнее – образы данного феномена, зачастую не совпадающие по своему содержанию и дифференцированные на доминирующие и периферийные (маргинальные).

Само слово «интеллигенция» (от латинского – *intelligentia* – понимание, способность к пониманию) было известно в среде русского образованного общества еще с конца XVIII – начала XIX века. Но вплоть до 60-х годов XIX века оно имело преимущественно отвлеченно-философское значение, заимствованное из немецкой философской традиции, где категория интеллигенции стояла в одном ряду с понятиями «дух», «разум», «интеллект», «сознание», «мыслящая субстанция»¹. Правда, на русской почве понятие «интеллигенция» претерпело метаморфозу означаемого предмета: от чисто умопостигаемой философской категории – к социальным ее носителям (один из первых вариантов складывающегося образа интеллигенции как некоей социальной общности). И лишь в конце 60-х годов стараниями русской публицистики был осуществлен следующий решительный шаг в семантическом наполнении термина: от «носителей интеллигенции» – к «представителям интеллигенции»². На данном этапе образ интеллигенции 60–70-х годов XIX века отвечал потребности самосознания определенной части разночинной публики, ориентированной на социокультурное подвижничество и альтруистические ценности. Но уже в 90-х годах XIX – начале XX века этот образ с характерными для него чертами существенно изменился. Динамичные модернизационные процессы, сопровождаемые такими атрибутами как демократизация социальной жизни и профессиональная специализация, нашли отражение в усилившейся дифференциации интеллигентских групп, их самоидентификации и использовании для этого словаре. Заметны попытки сохранить за словом «интеллигенция» смысловое единство с означаемым явлением, в то время как последнее уже далеко не было единым, даже в смысле 60–70-х годов. В данный период интеллигенция ассоциировалась уже не с аккумуляцией всех достижений отечественной и мировой культуры, не с концентрацией национального духа и творческой энергии, а скорее с этическим и политическим радикализмом³. Наряду с этим актуальным образом продолжали функционировать и прежние представления, а также создавались новые, менее распространенные в обыденном употреблении (например, «рабочая интеллигенция», «профессиональная интеллигенция», «полуинтеллигенция» и др.).

Отметим, что выделяемые черты того или иного образа интеллигенции далеко не обязательно являются главными и непротиворечивыми, поскольку любая типизация чревата упрощениями действительности. Но здесь необходимо учитывать то обстоятельство, что на определенном этапе

эти черты отражают действительное состояние оценок и самооценок данного феномена, которые расцениваются как реальные. Если же ситуация определяется как реальная, она реальна по своим последствиям (У. Томас).

Литература

1. Кондаков И.В. К феноменологии русской интеллигенции//Русская интеллигенция. История и судьба. М.,1999. С. 66-67.
2. Катаев В.Б. Боборыкин и Чехов (к истории понятия «интеллигенция» в русской литературе)//Русская интеллигенция. История и судьба. М.,1999. С. 386.
3. Кондаков И.В. Указ. соч. С. 78-79.

И.П. Адаева

СОЦИОЛОГИЯ ИСКУССТВА КАК РАЗДЕЛ ЭСТЕТИКИ

Томас Манро – крупнейший американский эстетик первой половины двадцатого столетия, применивший идеи прагматизма Д. Дьюи к эстетике, одним из разделов подлинно научной эстетики полагал социологию искусства. В духе идей Дьюи философские науки должны иметь практическую ценность.

Практическое применение эстетики для общества Манро видел в использовании ее данных в области психотерапии, в рекламе, коммерческом искусстве, в образовании. Такое обширное использование эстетики (а реклама вовлекает ее в сферу производства и коммерции) возможно на том основании, что она, имея дело с художественными произведениями, т.е. многообразием художественных форм, способна методом наблюдений и экспериментов зафиксировать эстетические реакции и вывести соотношение последних с определенными видами художественной формы. Выводы и заключения базируются на эмпирических данных.

При выведении зависимости необходимо учитывать, что процесс восприятия происходит в реальной среде, и его субъект имеет вполне определенную психосоциальную структуру, будь то отдельная личность или группа – профессиональная, возрастная и т.д. Для конкретизации организации субъекта и социокультурной среды необходим исследовательский аппарат социологии, поскольку оказывается затронутым ее предмет. В прогнозировании вида реакции социология, таким образом, играет существенную роль для эстетики.

Графическое изображение формулы прогнозирования эстетической реакции Манро сводит к следующему: $OSC \rightarrow R$, где O – объект, т.е. вид художественной формы, художественное произведение, S – психосоциальная организация субъекта, C – микро- и макросреда, т.е. социокультурная среда, в которой происходит процесс восприятия, и R – эстетическая реак-